

СЛОМАН
МИФИКА

ДМИТРИЙ КОЛОДАН

ДОМ НОЧИ

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Разработка серии и иллюстрация на переплете —
К.А. Терина

Колодан, Дмитрий Геннадьевич.
К61 Дом Ночи / Дмитрий Колодан. — Москва :
Эксмо, 2021. — 448 с.

ISBN 978-5-04-122983-2

Ужасно далеко и бесконечно близко, на краю заката, где
сны обретают плоть, стоит этот Дом. Хозяйка его — Матушка
Ночи, повелительница грез и забытых историй.

Здесь обитают невероятные существа, призраки и чудо-
вища... И маленькая девочка по имени Ива. Она живет среди
монстров, но даже не подозревает, что настоящие кошмары
ждут ее за стенами Дома.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122983-2

© Дмитрий Колодан, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Глава 1

Сделка

Женщина была мертва и знала об этом. Она уже не чувствовала боли. Боль была вначале: яркая вспышка в мгновение выжгла ее изнутри. Боль ушла, и остался только холод, ледяным шаром набухавший внизу живота.

Женщина не помнила, как выбралась из горящей машины, не помнила, как вытащила из нее своего ребенка. Это случилось давно, когда она была жива. Сейчас она лежала на мягкой земле, жадно глотавшей последние капли крови. Изломанное тело, освещенное алым пламенем. Муж остался в машине. Сквозь огонь еще виднелся темный силуэт, но женщина не смотрела в ту сторону. Все было кончено.

Рядом захлебывался в писклявом крике младенец. Девочка хотела есть, она замерзла и испугалась. Женщина ничем не могла ей помочь. Хотелось плакать от бессилия, но в глазах не осталось слез. За нее плакало небо — колючей моросью дождя.

Ее дочь чудом уцелела в аварии. Ревущее пламя даже не опалило ее черные волосы. Но это ничего

не меняло. В этой глуши помощи ждать неоткуда, и девочку ждала смерть от холода и голода. Если прежде до нее не доберутся дикие звери: волки, лисы и иные твари из этих лесов. Они уже близко, они здесь.

Перед остекленевшими глазами мелькнула черная тень. Большой ворон опустился в нескольких шагах и, качая головой, уставился на женщину, словно спрашивал: *готова?* Бисер дождя блестел на маслянисто-черных перьях. Злая, наглая птица, она первая явилась на зов старухи-смерти. Она не испугалась ни огня, ни мертвой женщины, ни ее живого ребенка. В награду за смелость ей будет чем поживиться.

Женщина смотрела, как ворон неуклюжими прыжками подбирается ближе. По лакированному клюву плясали алые сполохи. На мгновение птица замерла: черный силуэт, обведенный по краю оранжевым и красным. Перья на макушке топорщились, в отблесках пламени напоминая золоченую корону. Ворон запрыгал на месте, исполняя победный танец.

— Кра! Кра!

Никогда... Женщина сжала мертвые зубы. *Никогда эта птица не получит ее ребенка!*

Подскакав ближе, ворон клюнул ее в раскрытую ладонь. Сильный удар пробил кожу, но женщина ничего не почувствовала. Ворон снова клюнул, царапнул острым когтем запястье.

На третий раз мертвая женщина вскинула руку и схватила птицу за шею. Ворон дернулся, захлопал

ДОМ НОЧИ

крыльями, пытаюсь вырваться, но она лишь сильнее сжала пальцы.

Никогда!

Перья были скользкими и липкими от ее крови. Ворон захрипел.

— Я сохраню тебе жизнь, — сказала мертвая женщина. — А ты спасешь мою дочь. Жизнь за жизнь — это честная сделка.

Ворон продолжал бить ее когтями и крыльями, превращая кожу в лохмотья и раздирая жилы. Но женщина не сдавалась, и в конце концов ворон притих. Только тогда она разжала ладонь. То, что от нее осталось.

Ворон отскочил, глядя на женщину то одним, то другим глазом. Над машиной взметнулось пламя, осветив все багряным светом. Черный ворон, красный ворон... Дочь заплакала громче.

— Кра! Честная сделка!

И ворон тяжело поднялся в воздух, сделал круг над горящей машиной и полетел в сторону леса. Женщина закрыла мертвые глаза.

Она не видела, как погас огонь. Не видела, как над лесом поднялась огромная птичья стая. Не видела, как почернело небо.

Матушка Ночи ловит рыбу

В глубине леса пряталось маленькое озеро: круглое, как луна, гладкое, как зеркало, и черное, как сама темнота. Укрытое кольцом могучих елей, с тя-

желыми ветвями и корой цвета засохшей крови. Их макушки пиками вонзались в пасмурно-серое небо; корявые корни переплелись, как змеи по весне. Ветер раскачивал деревья, словно в такт дыханию невидимого великана. *Вдох-выдох...* Но ни одна сломанная веточка, ни одна хвоинка не падали в воду — боялись. Где-то далеко каркал ворон: «Кра! Кра!»

Матушка Ночи сидела на замшелом валуне у края воды. Холодные волны ласкали ее белые ступни. Лицо у Матушки Ночи худое и красивое, цвета выбеленной кости. Глаза точь-в-точь как вода в озере: черные и блестящие. Лишь изредка в их глубине мелькали серебристые искорки, будто крошечные рыбки. Или звезды. Шелковое платье ниспадало до пят и, мокрое, липло к ногам.

В каждой из шести своих рук Матушка Ночи держала длинную леску, уходящую в воду, и не спеша перебирала изящными пальцами. Туго натянутые паутинки дрожали и пели: «Ии-оу-иу». Зеркало озера дрожало мелкой рябью. Матушка Ночи знала, что в темной глубине сейчас бьется ее добыча. Но пока еще рано доставать улов. В этих водах водилась слишком странная, а порой и опасная рыба.

Ветер зашумел сильнее. Деревья зашептались на тысячу голосов. Меж красных стволов вскипели клубы тумана и призрачной волной обрушились на озеро. Точно пушистое белое облако рухнуло с небес на землю. Губы Матушки Ночи изогнулись.

Она взмахнула рукой — уверенное движение опытного рыболова, и над водой сверкнула голубая

ДОМ НОЧИ

вспышка. В воздухе повисла извивающаяся рыбина: длинная, как угорь, с круглыми глазами-блюдцами и торчащими кривыми зубами. По гладкой шкуре искрились синие молнии. Матушка Ночи поежилась: *какой кошмар...* Но сгодится для похлебки. Рыба вырывалась изо всех сил, крошечные молнии вонзались в черную воду. Натянувшаяся леска резала пальцы и, казалось, того и гляди лопнет. Но никто еще не уходил от Матушки Ночи. Рывок, и рыба затихла.

Еще взмах. У новой рыбины оказалось человеческое лицо: женщины с длинными черными волосами и красивыми глазами. На крашенных губах застыла мечтательная улыбка, а в зрачках танцевало пламя.

Тут Матушка Ночи нахмурилась. Вот такую рыбу точно нельзя есть, и, немного подумав, она отпустила лесу. Паутинка скользнула меж пальцев и исчезла, растворившись в тумане, словно ее и вовсе не было. Без единого всплеска диковинная рыба упала в воду и скрылась в глубине.

Рыба ушла, но в то же мгновение Матушка Ночи вытащила следующую. Руки ее двигались быстро, она знала свое дело. Одна за другой, и вот уже пять светящихся рыбин закружились в зыбком тумане — красивые, чудные и страшные.

Матушка Ночи была довольна: сегодня выдался хороший улов, а это значит, что жильцов в ее доме ждет сытный ужин. Вот только думала она лишь о той рыбе, которую отпустила. Такое уже случалось раньше и всегда предвещало события чудные и не-

обычные. Как далекий гром возвещает о приближающейся грозе. Что-то случилось и что-то случится.

А далеко над лесом кружили черные птицы.

ОХОТНИК

Охотник лежал на земле, прижимаясь щекой к мягкому мху. В узкой ложине, меж корней огромной сосны — дерева высокого, как небо, и старого, как само время. Нужно идти очень долго, чтобы обойти вокруг его ствола.

Охотник прятался здесь уже давно — день, ночь и еще день. Он не спал и минуты; живот скрутило от голода, точно высохшую сливу; пил он грязную воду, которую выжимал из мха. Его одежда, скроенная из звериных шкур, промокла насквозь. Кожа на ладонях сморщилась от холодной влаги. Но порох и кремни Охотник держал сухими. Длинноствольное ружье, обернутое в мешковину, лежало по правую руку — в любую секунду Охотник готов был спустить курок. И это время приближалось. Охотник чувствовал это каждой клеточкой тела. Он слышал, как дрожит земля, как стихают прочие звуки. Он слышал мягкую поступь своей добычи.

Охотник могуч, свиреп и дик. Волосы его черны, как просмоленная пакля. Длинную бороду он подрезал ножом, который сам сделал из острого камня. Его родная сестра — медведица. Каждый зверь в Большом Лесу знал Охотника, и все его боялись... Все, кроме того, что сейчас шел ему навстречу. От

ДОМ НОЧИ

напряжения у Охотника кровь сочилась из подушечек пальцев. Но при этом был он абсолютно спокоен. Сердце билось ровно и тихо.

Густые заросли ивняка задрожали. С ветвей посыпались листья и закружились, подхваченные порывом ветра. Где-то в чаще вспорхнула птица... Охотник вздрогнул. В тот же миг хлесткие ветви расступились и на опушку ступил Первозверь.

Он шел медленно, как и положено хозяину, обходящему владения. Он никуда не спешил. Желто-зеленый мох прогибался под раздвоенными копытами, и в следах проступала темная вода. Остановившись в тени гигантской сосны, Первозверь фыркнул, выдохнув облачко пара. Его морда походила на морду кабана — широкое рыло дрожало при каждом вдохе. Она походила и на морду волка — на желтых клыках пенилась густая слюна. С длинного витого рога, торчащего посреди лба, свисали лохмотья кожи. Первозверь прядал длинными ушами, прислушиваясь к голосам Леса. Огромные, не по-звериному зеленые глаза блестели от влаги, будто Первозверь вот-вот заплачет. Над мордой звенящим облаком висел гнус.

Охотник затаил дыхание. Он знал, что Первозверь видит его и чувствует — для него не было тайн в Большом Лесу. Но он не спешил убегать; в зеленых глазах не мелькнуло и тени страха. Охотник неслышно протянул руку к ружью.

Пронзительный вороний грай обрушился как гром небесный. В одно мгновение небо почернело от птиц. Огромная орущая стая явилась словно из

ниоткуда — и за сто лет Охотник не видел ничего подобного.

Он вскинул ружье. Гроыхнул выстрел, но Первозверья и след простыл. Пуля выбила рыжую крошку из ствола сосны. А вороны продолжали кричать.

Урдак

Посреди леса возвышался холм, уродливый, как загноившийся нарыв. Много лет назад в дерево на вершине холма ударила молния. Начавшийся пожар выжег на холме всю зелень, оставив после себя черное пепелище. Землю покрыл толстый слой золы, плотной, как засохшая глина. Лес так и не вернулся сюда. Даже вездесущий иван-чай и тот не стал здесь расти. Но дерево на вершине уцелело: обгорелый скелет с изломанными ветвями. Под деревом лежали кости, ослепительно-белые в черной золе.

Болтая ногами, Урдак сидел на ветке обгорелого дерева и доедал ворону. Черная кровь капала с длинных пальцев и стекала по подбородку, пачкала и без того грязный сюртук. Вороньи перья сыпались с дерева точно диковинные листья.

Урдак ел быстро, громко чавкая и хрустя птичьими костями. Но сколько бы он ни глотал холодное мясо, насытиться он не мог. Жуткий голод, его проклятье, терзал его, будто желудок рвали на части острыми крючьями.

Единственный друг Урдака — мистер Гош — устроился в развилке ветвей у обуглившегося ствола.

ДОМ НОЧИ

Потрескавшиеся глаза-пуговицы внимательно следили за трапезой. Мистер Гош — медведь. Плюшевый медведь со свалявшейся шерстью, оторванным ухом и торчащей из швов набивкой. Очень давно Урдак нашел его в Лесу, заблудившегося и потерявшегося. Когда они встретились, Урдак хотел его съесть, но есть там оказалось нечего. И тогда они подружились. Теперь мистер Гош всегда рядом. Он единственный по-настоящему любил Урдака, всегда готов был его выслушать и помочь мудрым советом. Но главное, мистер Гош никогда не просил у Урдака даже крошки, даже самой маленькой косточки. О лучшем то-варище Урдак не мог и мечтать.

Птичий череп лопнул в зубах, точно перезрелая ягода. Что-то липкое потекло по подбородку, и Урдак жадно облинулся, чтобы не упустить и капли.

Лес зашумел под напором ветра, макушки сосен и елей закачались. И в то же мгновение послышался дикий гвалт: сотни, а то и тысячи воронов черной тучей поднялись над деревьями. От неожиданности Урдак выронил недоеденную птицу. Никогда еще он не видел разом столько добычи.

— Вы только взгляните на это, мистер Гош! — проговорил он шипящим и шелестящим голосом. Кончик длинного носа задергался. На костлявом лице сменилась дюжина разнообразных гримас. Будто Урдак не мог выбрать, какую же маску надеть по такому случаю. Мистер Гош остался спокоен.

— Они что-то несут, — сказал Урдак, глядя на птичью стаю. — Что-то белое...

Он вытянул шею, прищурился, а затем отпрянул. Темно-красный язык скользнул по черным губам. Вороны летели на восток, мимо его холма к дому Матушки Ночи. А раз так, значит, и ему туда дорога.

— Слово джентльмена, мистер Гош, начинается что-то интересное! Не хотите ли взглянуть поближе?

Мистер Гош не ответил. Но Урдак знал, что его товарищ полностью с ним согласен. Он нахлобучил на голову смятый цилиндр, а затем ловко, как обезьяна, спустился с дерева и подобрал останки вороны. Обглодал ее до последней косточки. Прежде чем отправляться в дальний путь, никогда не помешает подкрепиться.

Стая

Стая летела на восток. Небо гудело от птичьих криков и шелеста сотен крыльев. Ветер мчался за ней следом, подпевая на тысячу голосов. Прошло уже много лет с тех пор, как Стая последний раз собиралась вместе. Но сейчас на зов своего Короля явились все вороны Большого Леса. Ибо Король дал слово, а слово Короля нерушимо.

Стая вытянулась длинной лентой, от одного края неба до другого, распадалась и вновь сжималась в единый клубок. Она походила на живой смерч, в центре которого белел маленький сверток. Человеческий птенец, крошечная девочка с огромными темными глазами. Она извивалась и кричала, но вовсе не от боли и страха, а от восторга. А иногда девочка начинала сме-

ДОМ НОЧИ

яться, и тогда все братья и сестры отзывались радостным карканьем. Им нравилось, когда птенец смеялся.

Сверток тяжелый; одной или двум птицам с ним было не справиться, для этого требовалось не меньше пяти воронов. То и дело кто-то из братьев и сестер отпускал ношу, и та начинала падать. Но тут же ее подхватывала новая птица, вцепляясь когтями в белую ткань. Они менялись непрерывно, и лишь одна птица весь полет не разжимала когтей — сам Король Воронов. Как бы сильно он ни устал, как бы ни болели его крылья, он дал слово и должен следовать ему до конца. До самой смерти.

Внизу надрывно стонал лес — темно-зеленый океан без края. У горизонта сгустились лиловые сумерки. Месяц, кривой и белый, как волчий клык, выглянул сквозь прореху в облаках и тут же спрятался обратно, испугавшись приближающейся стаи.

На восток! На восток! Туда, где укрытый вечной тенью стоял дом Матушки Ночи. Так повелел Король Воронов, и никто из рыцарей, вассалов и придворных дам не смел его ослушаться. Сильные крылья со свистом резали воздух. Ветер хлестал колючей морозью, но куда ему против Стаи?

Вдалеке заморгал желтый огонек, одинокий, точно свет маяка в бушующем море. И Стая разразилась приветственными криками, даже их ноша пискляво завопила.

— *Вперед! Вперед! На свет!* — кричали вороны на своем языке, и горячие птичьи сердца бились в унисон.

А в доме Матушки Ночи готовились подать ужин.